
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

УДК 821.161.1

Н. В. Володина

<https://orcid.org/0000-0001-9928-3765>

Н. А. Дегтярев

<https://orcid.org/0000-0003-4897-0893>

Документально-художественный хронотоп в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста»

Для цитирования: Володина Н. В., Дегтярев Н. А. Документально-художественный хронотоп в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 8–15. DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-8-15

Повесть И. С. Никитина «Дневник семинариста», как следует из названия, написана в форме дневника: Никитин имитирует реальный дневник молодого семинариста. В связи с этим в статье высказывается предположение о взаимодействии в тексте произведения двух дискурсов, художественного и документального. Это взаимодействие проявляется на разных уровнях произведения, в том числе, в пространственно-временной организации его внутреннего мира. Документальному дискурсу подчинено время рассказчика, которое в основном не совпадает со временем физическим, а строится в согласии с психологическими особенностями главного героя, автора дневника. С другой стороны, завершенность временного целого повести, распределение времени в соответствии с эстетическими задачами, решаемыми в произведении, сигнализирует о влиянии художественного дискурса. Развертывание событийного ряда также подчинено задаче взаимодействия двух видов хронотопа. С одной стороны, «мозаичность» этого ряда, множество включенных в текст как бы не обязательных событий создают иллюзию достоверности происходящего; с другой – все эти разнообразные включения оказываются так или иначе художественно оправданными и выполняющими определенные эстетические функции. Развертывание событий «здесь и сейчас», обилие диалогов, прямой речи героев являются характерными признаками художественного хронотопа повести Никитина. Оптика восприятия и язык описания пространства в повести построены в соответствии с ценностной системой рассказчика, проявляя себя в документальной стилистике повествования. Однако детальность описания привычных для рассказчика пространств выполняет чисто художественную функцию: создает образ семинарии. В результате анализа авторы статьи приходят к выводу, что особенности документального дневникового хронотопа связаны с образом рассказчика, а художественного дневникового хронотопа – с образом автора.

Ключевые слова: хронотоп, дневник, документальный и художественный дискурс, И. С. Никитин, пространство и время.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

N. V. Volodina, N. A. Degtyarev

Documentary and artistic chronotope in the novel by I. S. Nikitin «The diary of the seminarian»

The story «Diary of a seminarian», by I. S. Nikitin, as the name implies, is written in the form of a diary: Nikitin imitates the real diary of a young seminarian. The article makes an assumption about the interaction of two discourses, artistic and documentary, in the text of the story. This interaction manifests itself in relation to the spatio-temporal organization of the world of the work. The narrator's time is subordinated to the documentary discourse, which basically does not coincide with the physical time, but is built in accordance with the psychological characteristics of the main

character, the author of the diary. On the other hand, the completeness of the temporary whole of the story, the distribution of time in accordance with the aesthetic tasks solved in the work, signals the influence of artistic discourse. The deployment of an event series is also subordinated to the task of interaction between two types of chronotope. On the one hand, the «mosaic» of this series, the set of events included in the text as if not mandatory, create the illusion of authenticity of what is happening; on the other, all these various inclusions are somehow artistically justified and perform certain aesthetic functions. The unfolding of events «here and now», the abundance of dialogues, direct speech of the characters are characteristic features of the artistic chronotope of Nikitin's story. The optics of perception and the language of describing space in the story are constructed in accordance with the value system of the narrator, manifesting itself in the documentary style of the narrative. On the other hand, the detailed description of the spaces familiar to the narrator serves an artistic function: it creates an image of the Seminary. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that the features of the documentary diary chronotope are associated with the image of the narrator, and the artistic diary chronotope – with the image of the author.

Keywords: chronotope, diary, documentary and artistic discourse, I. S. Nikitin, space and time.

Введение

Пространственно-временная организация мира художественного произведения является одной из важнейших составляющих его поэтики и аксиологии. «Всякое вступление в сферу художественного смысла, – пишет И. Н. Сухих, – совершается через узкие врата *изображенного и ценностно осмысленного пространства и времени*» [Сухих, 2018, с. 178]. Специфика хронотопа «варьируется в зависимости от рода и жанра» [Тамарченко, 2008, с. 288] произведения. В сознании читателя формируются определенные структуры, соответствующие отдельным видам хронотопов, которые «в процессе чтения активизируются и служат знаком для узнавания жанра» [Bakhtin's Theory, 2010, с. 12]. Особую ситуацию представляют жанры, в которых возникает иллюзия документального текста, создается установка на документальность. Одним из них является дневник, который достаточно часто привлекает внимание писателей: «Дневник одной недели» А. Н. Радищева, «Дневник Печорина», включенный М. Ю. Лермонтовым в роман «Герой нашего времени», «Дневник лишнего человека» И. С. Тургенева и др. В этом ряду можно рассматривать повесть И. С. Никитина «Дневник семинариста». Хронотоп этого произведения совмещает в себе черты пространственно-временной организации, характерной для художественного текста и, с другой стороны, для такого жанра документальной литературы, как дневник.

О. Г. Егоров, специально занимавшийся изучением литературного дневника 19 века, следующим образом определяет особенности его хронотопа: «В нем наряду с жизненной динамикой отражается становление личности автора, и оба процесса показаны в их незавершенности. < > Время и пространство в дневнике разворачиваются стихийно, поэтому ритм времени и его формы могут меняться независимо от воли и замыслов

автора» [Егоров, 2020]. Подчеркнем, что ученый в данном случае имеет в виду подлинный, реальный дневник, то есть дневник как жанр документальной литературы. Противопоставляя ему дневник как жанр художественной литературы, он пишет, что время и пространство в нем «изначально вводятся в замысел автора и строятся в соответствии с эстетическими законами произведения. Другим свойством художественного времени и пространства является замкнутость» [Егоров, 2020]. Подобное противопоставление кажется нам продуктивным и обладает хорошим эвристическим потенциалом. Единственное, что следует уточнить: по каким именно параметрам хронотопы документального и художественного текстов могут быть противопоставлены. Необходимо учитывать, что сопоставляться могут явления одного уровня. В этом смысле едва ли можно сравнивать хронотопы документальной и художественной литературы в их целом, без учета жанра. Поэтому логично противопоставлять хронотоп дневника как документального текста хронотопу дневника как текста художественного.

Реальный дневник и дневник художественный, рассматриваемые через призму читательского восприятия, могут быть очень похожи [Антонова, Алексева, 2019]. Однако если мы сфокусируемся на авторском отношении к дневнику, как бы встанем на позицию автора, то увидим, что они различаются уже на уровне замысла. Реальный дневник пишется, как правило, «здесь и сейчас», без представления о том, где, когда и каким образом он будет закончен; для него характерен «спонтанный характер записей» [Жожикашвили, 2001, с. 232]. Именно в этом смысле «время и пространство в дневнике разворачиваются стихийно» [Егоров, 2020]. Человек, который ведет дневник, не знает сюжета собственной жизни, он вынужден подчиняться развитию этого сюжета, следовать за ним. В каком-то смысле автор реального дневника

больше напоминает героя, персонажа собственно-го текста, «автором» которого является сама жизнь. Человек, пишущий реальный дневник, как бы не властен над его временем-пространством, оно само подчиняет его себе. Для хронотопа дневника как документального текста, характерны «стихийность» (воспользуемся термином О. Г. Егорова), спонтанность, незавершенность, в каком-то смысле даже неорганизованность.

Автор дневника как художественного текста является в подлинном смысле слова автором, всезнающим и находящимся в положении «внеаходимости» [Бахтин, 2003, с. 72]. Если пользоваться бахтинской терминологией, то можно сказать, что для художественного дневника – в отличие от реального – в гораздо большей степени характерна такая функция «формы по отношению к содержанию» [Бахтин, 2020], как изоляция, которая «позволяет автору-творцу стать конститутивным моментом формы» [Бахтин, 2020] и с помощью которой «автор как бы входит в изолированное событие и становится в нем творцом, не становясь участником» [Бахтин, 2020]. Для реального дневника такая изоляция, как правило, не характерна: человек, пишущий подлинный дневник, является в первую очередь участником событий, а его «авторство», скорее, производная от этого участия. Именно в этом смысле автор художественного дневника находится в позиции «внеаходимости», «временной, пространственной и смысловой» [Бахтин, 2003, с. 72]. Время-пространство в художественном дневнике подчинено замыслу и, как правило, известно заранее. Для автора оно предсказуемо, автор владеет, управляет им, не находится в нем, а конструирует его.

Таким образом, различие хронотопов документального и художественного дневника состоит в том, что один из них, документальный, разворачивается стихийно, является незавершенным, а другой, художественный, разворачивается организованно и является в конечном счете завершенным.

Однако тем и интересны случаи художественных текстов, написанных в форме дневника, что в них совмещаются черты этих двух, казалось бы, совершенно разных, даже противоположных видов хронотопа. Доминирующим, конечно, является художественный, однако устроен он должен быть так, чтобы создать у читателя иллюзию спонтанного разворачивания пространства-времени в тексте, то есть должен создать иллюзию документального дневникового хронотопа.

При анализе конкретного текста следует учитывать две важные характеристики хронотопа.

Это, во-первых, связь его с героем произведения. «...есть основания понимать хронотоп как внешнюю проекцию героя, результат экспансии его личного бытия в окружающий вымышленный мир» [Зенкин, 2020], – пишет С. Н. Зенкин. Во-вторых, не менее важным представляется ценностный аспект. «Литературно-художественный образ, – как отмечает И. Б. Роднянская, – формально разворачиваясь во времени (как последовательность текста) своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символическо-идеологическом, ценностном аспекте» [Роднянская, 2001, с. 1174].

Основная часть

Одна из эстетических задач, стоявших перед И. С. Никитиным, очевидно, состояла в том, чтобы создать в повести имитацию реального дневника и, соответственно, «воспроизвести» документальный дневниковый хронотоп. Прежде всего обратим внимание на то, что время в повести протекает неравномерно. Иногда оно уплотнено, и между записями дневника нет временных интервалов. Так, например, три записи следуют подряд: 30, 31 июля и 1 августа; 1, 2, 3 сентября. Чаще между датами записей возникает промежуток в несколько дней, а в некоторых случаях временные лакуны составляют месяц или даже более: например, две соседние записи – 14 октября и 10 декабря; 2 февраля и 27 апреля. Безусловно, такое неравномерное: то уплотненное, то, наоборот, слишком разреженное – распределение времени неслучайно. О. Г. Егоров, анализируя повесть Никитина (подчеркнем, что в своем анализе он не рассматривает хронотоп) приходит к выводу, что дневник главного героя повести, семинариста Белозерского – это дневник «периода индивидуации»; он «отражает душевные переживания героя, его мысли, а факты внешней жизни фиксируются лишь в той мере, в какой они оказывают воздействие на мир внутренний» [Егоров, 2020]. Совершенно естественно поэтому, что переживания и мысли героя – тем более молодого человека – не могут фиксироваться равными промежутками времени, а обнаруживают себя некими всплесками, которым и соответствуют записи в дневнике. В своих записях Белозерский сосредоточен в основном на событиях внутренней жизни – и именно «стихийность», спонтанность этой внутренней жизни отражается на протекании времени внутри текста. Так, в записи от 7 сентября Белозерский пишет о своем впечатлении от прочтения «Мертвых душ» Гоголя: «Жизнь бьет ключом из каждой

строки! Господи, какой же я дурак! Прожить девятнадцать лет и не прочесть ни одной порядочной книги!» [Никитин, 1980, с. 451]. Обратим внимание как на восклицательные интонации и эмоциональную лексику, так и на то, что под впечатлением от книги (это событие внутренней жизни) девятнадцать предыдущих лет как бы обесцениваются героем.

Следующая запись сделана 10 сентября, и она тоже связана с книгами: «Яблочкин дал мне еще несколько книг. Но читать почти некогда: так много времени отнимают классы и затверживание наизусть разных уроков. Право, досадно!» [Никитин, 1980, с. 451]. В данном случае интересно, что события внешней жизни (уроки) мешают чтению (и внутренним впечатлениям от него), и их автор практически не фиксирует, так как они недостаточно ценны. Отметим и то, что между 7 и 10 сентября никаких записей нет, хотя «внешние события», безусловно, присутствовали в жизни героя.

Это неравномерное распределение времени, таким образом, имитирует протекание времени в реальном, документальном дневнике молодого человека. Заметим, что в реальном дневнике могут быть и постоянные подневные записи, однако, как отмечает О. Г. Егоров, они характерны для дневника человека, «который уютно себя чувствует в русле... заведенного порядка жизни» [Егоров, 2020]. Чаще всего это дневник зрелого, взрослого человека. Для юношеского же дневника характерно «психологическое время», особенностью которого «является его большая растянутость или, наоборот, концентрированность по отношению к времени физическому» [Егоров, 2020].

Совмещение черт документального и художественного хронотопа проявляет себя в повести и по-другому. Интерес в этом отношении представляет сюжет с возможным поступлением семинариста Белозерского в университет. Если автор – И. С. Никитин – знает, что его герой никуда не будет в итоге поступать, то сам рассказчик, Белозерский, этого, естественно, не знает. Он несколько раз обращается к отцу с надеждой получить от него благословение на поступление в университет, огорчается его ответами, вновь надеется и так далее. Все это отражено в записях дневника: «Батюшка, – сказал я. – Яблочкин едет в университет. Позвольте и мне с ним туда же приготовиться. – „Пусть он едет. Час ему добрый. А ты пребывай в том звании, для которого ты призван, и мечты свои оставь, если не хочешь меня обидеть”. Я утер украдкой слезу и начал собираться к переезду на новую квартиру» [Никитин, 1980, с. 442].

Белозерский расстраивается, плачет. В дальнейшем он еще не раз обратится к отцу: для героя, Белозерского это животрепещущая, незакрытая тема, но, естественно, не для автора.

Крайне показательна в отношении «документальной» спонтанности, неопределенности такая запись Белозерского: «Так или нет, но в минувшую ночь я многое почувствовал и многое передумал. Отчего ж и мне не ехать в университет? Неужели отец мой не уважит моей справедливой, моей горячей мольбы?... Ну, мой милый Яблочкин, пример твой на меня подействовал. Конечно! будь, что будет! Благослови меня, господи, на честный труд. За дело, Василий Белозерский, за дело! Наверстывай теперь потерянное за зубреньем время бессонными ночами! А ты, мой бессвязный и прерывчатый дневник, бедная отрада моей скуки, покойся вперед до усмотрения. „Покойся, милый прах, до радостного утра”... Приведется ли мне увидеть в тебе более веселые строки?..» [Никитин, 1980, с. 490]. Обратим внимание, что Белозерский собирается отложить ведение дневника, но не делает этого, а продолжает его. Это одновременно и показатель спонтанности, импульсивности (решения принимаются, отвергаются, тут же принимаются другие), и показатель художественной организованности хронотопа: ведь если бы Белозерский действительно перестал вести дневник, повесть не состоялась бы как художественное целое.

Сюжет с поступлением в университет продолжается и дальше. Если автор, И. С. Никитин – это «носитель напряженно-активного единства завышенного целого, целого героя и целого произведения», то герою, Василию Белозерскому, «это завершающее его целое принципиально не может быть дано» [Бахтин, 2003, с. 95]. Поэтому Белозерский не знает ни того, что будет с ним, ни, самое главное, каким будет он сам. Это незнание стихийно прорывается в следующей записи: «Я получил от батюшки письмо. „Ты, – пишет он, – со мною не шути! (Эти слова им подчеркнуты.) Как я ни добр, но исполнять твоих прихотей не стану. И никогда тебе не дам моего родительского благословения ехать в университет. < > Я тебе сказал: ты должен пребывать в том звании...” и так далее и так далее... Батюшка, батюшка! Ты говоришь: призван... А если у меня неостанет сил на исполнение моего святого долга? < > Чей голос тогда меня ободрит? Чья рука меня поднимет? На чью голову ляжет ответственность за мои проступки?... Я не могу ни за что взяться: голова моя идет кругом» [Никитин, 1980, с. 496].

Наконец, в конце повести Белозерский приходит к некоторой определенности: «Моя будущая судьба теперь окончательно определилась. Пройдут еще два года трудовой однообразной жизни, и я приму на себя звание духовного врача. Видит бог, намерения мои всегда были чисты. Если я заблуждался, мечтая о другой дороге, заблуждение мое было бескорыстно, мысль не заходила далеко и...» [Никитин, 1980, с. 500]. Однако следует отметить, что и в этой «завершающей» записи фокус его внимания постепенно перемещается в сторону «заблуждений», о которых, как о бескорыстных, чистых (и, добавим мы, незавершенных, нереализованных) он, очевидно, грустит. Отметим также, что это во всех смыслах завершающее предложение (завершающее определенный отрезок жизни Белозерского и фактически завершающее текст повести) само не завершено и обрывается многоточием.

Таким образом, незавершенность, неопределенность дневникового хронотопа реализуется в повести через переживания героя «здесь и сейчас». Переживания, мысли, планы героя присутствуют в повести в делящемся настоящем, а настоящее как временная категория принципиально незавершимо.

Однако черты документального дневникового хронотопа мы можем видеть, лишь подчиняясь «экспансии личного бытия» героя. Стоит нам выйти из «текста» Белозерского и подняться на авторский уровень, как время-пространство повести сразу же станет организованным, замкнутым, «умышленным», а внутренний мир героя – принципиально завершенным.

Это видно, например, по тому, что время дневника ограничено чуть более чем годом жизни Василия Белозерского, годом, которому соответствует важнейший этап в становлении личности семинариста. Однако реальные дневники чаще всего выходят за пределы «важнейшего этапа»: либо начинаются до его начала, либо продолжают после его окончания, переходя, например, во взрослые дневники. Этим во многом и объясняется незавершенность, неопределенность документального хронотопа. Однако в «Дневнике семинариста» временные рамки дневника очень «удачно» совпадают с временными рамками становления личности героя-рассказчика. Такое совпадение является, безусловно, результатом влияния художественного хронотопа с его завершенностью.

Еще одно отличие художественного хронотопа от незавершенного документального состоит в

том, что в реальный дневник (в отличие от художественного произведения) попадает достаточно много случайных событий. Они могут быть неслучайными в том смысле, что влияют на внутренний мир автора дневника, однако по отношению к «целому» дневника предстают скорее некой мозаикой, отдельными сюжетными линиями, начатыми и оборванными под впечатлением минуты (вернее, дня). Иными словами, реальный дневник как целое достаточно мозаичен и чаще всего не решает единой художественной задачи, которой подчинено все, как это делает художественный текст.

На первый взгляд, в «Дневнике семинариста» тоже много как бы случайных зарисовок, сюжетов: о первой любви главного героя, о дьячке Кондратии и его жене, о тяжелом крестьянском труде, о кутящих семинаристах. Эти небольшие сюжеты берутся, но обрываются Белозерским, что опять-таки является художественной имитацией неорганизованности реального дневника. Однако эти события только выглядят случайными. Каждое из них чем-то важно для целого. К примеру, сюжет о первой любви Белозерского, который никак не влияет на развитие событий, подчеркивает, что автор дневника вступает во взрослую пору жизни, то есть он, этот сюжет, является некой отправной точкой в изменениях внутреннего мира главного героя. Зарисовки тяжелого крестьянского труда или бедного крестьянского жителя призваны сказать о «невыносимости и чудовищной несправедливости такого порядка вещей» [Плоткин, 1986, с. 103]. Напомним, что «Дневник...» писался накануне крестьянской реформы, в 1858–60 гг. Эти зарисовки – лаконичное отражение времени.

Таким образом, в дневнике Белозерского нет случайных записей. Каждая из записей не просто «проявляет» внутренний мир героя, но и решает совершенно определенную художественную или даже прагматическую задачу. Так зарисовки жизни семинаристов, методов преподавания нужны в «Дневнике...» для того, чтобы, как писал Никитин в одном из писем, «некоторый свет, брошенный в эту бурсу, принес бы свою пользу» [Никитин, 1980, с. 611]. К тому же в конце 1850-х – начале 1860-х гг. вопрос о духовном образовании неоднократно поднимался в публицистической [Беллюстин, 2020; Ростиславов, 2020], художественной литературе [Помяловский, 1980; Решетников, 1904] и критике [Писарев, 2020].

Обратим также внимание на то, что завершить «Дневник...», расставить все точки над *i* (и в том

числе завершить образ главного героя) автор – может быть, несколько искусственно с художественной точки зрения – доверяет Белозерскому. Последняя запись дневника (сделанная через три месяца после смерти лучшего друга Белозерского – Яблочкина) начинается со следующих слов: «Сейчас между моими учебными книгами мне попался случайно забытый мною дневник. Первою моею мыслию было сжечь эти страницы, напомнившие мне столько горького. Но когда я пробежал несколько строк, когда подумал, что в них положена часть моей жизни, – рука моя не поднялась на истребление этой бедной измятой тетради» [Никитин, 1980, с. 499–500]. Далее Белозерский пишет о конце «поэзии своей внутренней, духовной жизни», об окончании экзаменов и переводе в следующий класс, о расставании с Федором Федоровичем и о том, что «моя будущая судьба теперь окончательно определилась» [Никитин, 1980, с. 500].

Психологически такое завершение дневника не очень понятно. В течение последнего года Белозерский изменился, открыл для себя «новый мир, чистый воздух» светской литературы. И вдруг в последней записи он фактически хоронит все, произошедшие с ним перемены, хотя смерть Яблочкина должна была, по идее, не погасить, а как раз еще более разжечь тот огонь, который горит в Белозерском. Однако, используя слова Достоевского, «это могло бы составить тему нового рассказа» [Достоевский, 1982, с. 533], но совершенно нарушило бы художественную целостность «Дневника...». Можно сказать, что Никитин в данном случае стремится не к психологической, а именно к художественной точности и завершает художественный хронотоп там, где документальный хронотоп не должен был завершаться. Или, по крайней мере, должен был завершиться иначе – к примеру, записью «издателя», случайно нашедшего дневник и публикующего его.

До сих пор мы говорили преимущественно о временном измерении дневника, однако пространство в повести также подчинено экспансии ценностного мира героя. Человек интроверсивного склада, Василий Белозерский в своих записях описывает либо то пространство, с которым вынужден контактировать постоянно, либо то, которое так или иначе отражается в его внутреннем мире. Скажем, в начале повести он описывает родной дом – и в этом описании постоянно встречается слово «рай»: «Дай потянусь на этом кожаном стуле, в этой горенке с окнами, выходящими в зеленый, обрызганный росой, сад, в этом раю»;

«а право, здесь настоящий рай: тихо, светло» [Никитин, 1980, с. 419]. Следовательно, «язык» описания родного дома вполне характерен для учащегося духовного учебного заведения, его ценностной системы.

Другой важной составляющей аксиологии главного героя является любовь к книгам. Когда Белозерский переезжает жить к профессору Федору Федоровичу, в пространстве квартиры последнего взгляд Белозерского замечает совершенно определенные вещи: «С жадным любопытством осматривал я эту комнату < > В маленьком шкапе на одной только полке стояло несколько учебных книг, две остальные полки были пусты» [Никитин, 1980, с. 441]. Таким образом, оптика восприятия пространства главным героем настроена в соответствии с его ценностными ориентациями.

Все это – восприятие мира изнутри своей ценностной системы, язык описания мира, функционирующий в соответствии с аксиологическими установками личности – характерно для документального хронотопа. Но у пространства повести есть черты и художественного хронотопа. Так, например, рассказчик иногда очень подробно описывает знакомые ему классы семинарии: «Вслед за толпою моих товарищей вошел и я в наш философский класс, дверь которого отпер нам седой сторож, отставной солдат, с лицом, изрытым оспою. Эти каменные, громадной толщины стены, покрытые зеленою краскою, эти белые, местами растрескавшиеся своды потолка, эта высокая печь, никогда не затопливаемая в зимнее время и существующая неизвестно для какой цели, эти окна с железными решетками, эти черные, изрезанные перочинными ножами столы с обтертыми скамьями и широкая черная доска, утвержденная отлого на трех ножках, – все это показалось мне так знакомо, будто я был здесь назад тому не более двух дней» [Никитин, 1980, с. 445–446]. Автор реального дневника едва ли стал бы описывать привычное пространство, с которым ему приходится взаимодействовать постоянно: это пространство становится лишь фоном, мы просто перестаем его замечать. Зато с точки зрения художественного (а не документального) хронотопа такое детальное описание пространства вполне понятно – оно создает образ семинарии.

Другой характерной чертой художественного хронотопа в повести является развертывание событийного ряда в пространстве. Мы видим, как главный герой общается с отцом, с Яблочкиным,

с Федором Федоровичем, с крестьянами. Общественное, бывшее в реальной жизни, в реальном дневнике было бы, скорее всего, представлено в отрефлексированном виде и в форме косвенной речи. Однако в «Дневнике семинариста» события в основном изображены как бы в «реальном времени», а большинство разговоров представлено в виде диалога, то есть прямой речи. В свое время А. А. Ахматова писала – правда, относительно мемуаров, – что в них «самовольное введение прямой речи следует признать деянием, уголовно наказуемым < >. Человеческая память устроена так, что она как прожектор освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать» [Журавлев, 2020]. Думается, что и в дневнике прямая речь, тем более в таких количествах, как в «Дневнике семинариста», не очень уместна. Длинные диалоги человек не в силах запомнить и воспроизвести их слово в слово, даже если они были произнесены в тот же день. То есть развертывание событийного ряда в «реальном времени», а также «объемная» прямая речь персонажей – это тоже признаки художественного, а не документального хронотопа.

Заключение

Таким образом, в повести И. С. Никитина «Дневник семинариста» пространство-время сочетает в себе особенности и документального, и художественного хронотопа. Также оно подчиняется ценностной экспансии героя-рассказчика, «проекции его личного бытия в окружающий вымышленный мир» [Зенкин, 2020]. Пространство-время развертывается «стихийным», спонтанным образом, если мы рассматриваем его через призму образа главного героя (в том числе, через изменение его ценностных ориентаций); но то же самое пространство-время является художественно организованным, завершенным, если мы воспринимаем его через призму авторского сознания (образа автора), то есть как пространство-время, развернутое не для героя, а для читателя. Можно сказать, что в «Дневнике семинариста» документальный хронотоп «принадлежит» образу героя-рассказчика, а художественный – образу автора.

Библиографический список:

1. Антонова Е. Я., Алексеева О. В. Между документальностью и художественностью // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 30–38.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Москва : Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 69–265.
3. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества. I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Библиотека Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahutin/probl_sod.php (дата обращения: 22.09.2020).
4. Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства // Азбука веры. Православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/opisanie-selskogo-duhovenstva/ (дата обращения: 22.09.2020).
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 5. Москва : «Правда», 1982. 533 с.
6. Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века // Litra.pro. Библиотека электронной литературы : сайт. URL: <https://litra.pro/russkij-literaturnij-dnevnik-xix-veka-istoriya-i-teoriya-zhanra/egorov-oleg-georgievich/read> (дата обращения: 22.09.2020).
7. Жожикашвили С. В. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва : Интелвак, 2001. С. 232–234.
8. Журавлев Д. Н. Анна Ахматова // Анна Ахматова. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/zhuravlev-anna-ahmatova.htm> (дата обращения: 22.09.2020).
9. Зенкин С. Н. Теория литературы. Проблемы и результаты // ВКонтакте : социальная сеть. URL: https://vk.com/doc4605748_456890364?hash=712a2679251347e7f5&dl=74096b74c9ddcc3283 (дата обращения: 22.09.2020).
10. Никитин И. С. Дневник семинариста // Никитин И. С. Сочинения. Москва : Художественная литература, 1980. С. 419–500.
11. Никитин И. С. Письма // Никитин И. С. Сочинения. Москва : Художественная литература, 1980. С. 503–647.
12. Писарев Д. И. Погибшие и погибающие // Lib.ru. Библиотека электронной литературы : сайт. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0190.shtml (дата обращения: 22.09.2020).
13. Плоткин Л. А. Жизнь и творчество И. С. Никитина // Плоткин Л. А. О русской литературе. Ленинград : «Художественная литература», Ленинградское отделение, 1986. С. 56–114.
14. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы // Помяловский Н. Г. Избранное. Москва : «Советская Россия», 1980. С. 260–419.
15. Решетников Ф. М. Ставленник // Решетников Ф. М. Полн. собр. соч.: в 2 т. Санкт-Петербург : Издание книжного магазина П. В. Луковникова, 1904. С. 95–211.
16. Роднянская И. Б. Художественное время и художественное пространство // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва : «Интелвак», 2001. С. 1174–1177.
17. Ростиславов Д. И. Об устройстве духовных училищ в России // Азбука веры. Православная библиотека : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostislavov/ob-

ustrojstve-duhovnyh-uchilishh-v-rossii/ (дата обращения: 22.09.2020).

18. Сухих И. Н. Структура и смысл: теория литературы для всех. Санкт-Петербург : Азбука, 2018. 660 с.

19. Тамарченко Н. Д. Хронотоп // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. Издательство Кулагинной Intrada, 2008. С. 287–288.

20. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / Bemong Nele, Borghart Pieter, Michel de Dobbeleer (eds.). Gent, Academia Press, 2010. 213 pp.

Reference List

1. Antonova E. Ja., Alekseeva O. V. Mezhdokumental'nost'ju i hudozhestvennost'ju = Between documentary and artistic // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 4 (19). S. 30–38.

2. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti = Author and hero in aesthetic activity // Bahtin M. M. Sobr. soch.: v 7 t. Moskva : Russkie slovari, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. T. 1. S. 69–265.

3. Bahtin M. M. K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorcestva. I. Problema formy, sodержaniya i materiala v slovesnom hudozhestvennom tvorcestve = To the issues of the methodology of the aesthetics of verbal creativity. I. The problem of form, content and material in verbal art // Biblioteka Gumer. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/probl_sod.php (data obrashhenija: 22.09.2020).

4. Belljustin I. S. Opisanie sel'skogo duhovenstva = Description of the rural clergy // Azbuka very. Pravoslavnaja biblioteka. URL: https://azbyka.ru/otchnik/Istorija_Tserkvi/opisanie-selskogo-duhovenstva/ (data obrashhenija: 22.09.2020).

5. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 5. = Collected works: in 12 v. V. 5. Moskva : «Pravda», 1982. 533 s.

6. Egorov O. G. Russkij literaturnyj dnevnik XIX veka = Russian literary diary of the XIX century // Litra.pro. Biblioteka jelektronnoj literatury : sajt. URL: <https://litra.pro/russkij-literaturnij-dnevnik-xix-veka-istoriya-i-teoriya-zhanra/egorov-oleg-georgievich/read> (data obrashhenija: 22.09.2020).

7. Zhozhikashvili S. V. Dnevnik = Diary // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. Moskva : Intelvak, 2001. S. 232–234.

8. Zhuravlev D. N. Anna Ahmatova = Anna Akhmatova. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/vospominaniya/zhuravlev-anna-ahmatova.htm> (data obrashhenija: 22.09.2020).

9. Zenkin S. N. Teorija literatury. Problemy i rezul'taty = Theory of literature. Problems and results // VKontakte : social'naja set'. URL: https://vk.com/doc4605748_456890364?hash=712a2679251347e7f5&dl=74096b74c9ddcc3283 (data obrashhenija: 22.09.2020).

10. Nikitin I. S. Dnevnik seminarista = Diary of a seminarian // Nikitin I. S. Sochinenija. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1980. S. 419–500.

11. Nikitin I. S. Pis'ma = Letters // Nikitin I. S. Sochinenija. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1980. S. 503–647.

12. Pisarev D. I. Pogibshie i pogibajushhie = Dead and dying. Biblioteka jelektronnoj literatury. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0190.shtml (data obrashhenija: 22.09.2020).

13. Plotkin L. A. Zhizn' i tvorcestvo I. S. Nikitina = Life and work of I. S. Nikitin // Plotkin L. A. O russkoj literatury. Leningrad : «Hudozhestvennaja literatura», Leningradskoe otdelenie, 1986. S. 56–114.

14. Pomjalovskij N. G. Oчерки бursy = Bursa essays // Pomjalovskij N.G. Izbrannoe. Moskva : «Sovetskaja Rossija», 1980. S. 260–419.

15. Reshetnikov F. M. Stavlennik = Protege // Reshetnikov F. M. Poln. sobr. soch.: v 2 t. Sankt-Peterburg : Izdanie knizhnogo magazina P. V. Lukovnikova, 1904. S. 95–211.

16. Rodnjanskaja I. B. Hudozhestvennoe vremja i hudozhestvennoe prostranstvo = Artistic time and artistic space // Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. Moskva : «Intelvak», 2001. S. 1174–1177.

17. Rostislavov D. I. Ob ustrojstve duhovnyh uchilishh v Rossii = On the organization of theological schools in Russia // Azbuka very. Pravoslavnaja biblioteka : sajt. URL: https://azbyka.ru/otchnik/Dmitrij_Rostislavov/ob-ustrojstve-duhovnyh-uchilishh-v-rossii/ (data obrashhenija: 22.09.2020).

18. Suhij I. N. Struktura i smysl: teorija literatury dlja vseh = Structure and meaning: literature theory for everybody. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2018. 660 s.

19. Tamarchenko N. D. Hronotop = Chronotope // Pojetika. Slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij. Izdatel'stvo Kulaginoj Intrada, 2008. S. 287–288.

20. Bakhtin's Theory of the Literary Chronotope: Reflections, Applications, Perspectives / Bemong Nele, Borghart Pieter, Michel de Dobbeleer (eds.). Gent, Academia Press, 2010. 213 pp.